

Общественный строй якутов начала XVII века

Г. Башарин

Решая проблему общественного строя якутов на рубеже XVII в., исследователи выдвинули три теории: теорию родового строя¹, теорию феодальных отношений² и теорию рабовладельческого пути развития якутов³. Из трёх перечисленных теорий

¹ См. М. Вруцевич. Юридические обычаи якутов. «Журнал гражданского и уголовного права». Кн. 3-я, стр. 23. СПб. 1891; В. Серошевский. Якуты, стр. 445—454. СПб. 1896; Д. Кочнев. Очерки юридического быта якутов, стр. 38. Казань. 1899; M. Chraplicka. Aboriginal Siberia, p. 55—62. Oxford. 1914.

² См. Л. Левенталь. Подати, повинности и земля у якутов. Сб. «Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов», стр. 241—245. Лнгр. 1929; Э. Пекарский. Якутский род до и после прихода русских. В кн. «Памятная книжка Якутской области за 1896 г.»; А. Белевский. Аграрный вопрос в Якутской области. «Русское богатство» № 11. СПб. 1902; И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб. 1912; С. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Сб. «Якутия», стр. 275—319. Л. 1927; его же. Очередные задачи исторического изучения Якутии. В кн. «Доклады на первой научной сессии якутской базы АН СССР», стр. 35—36. Якутск. 1948; его же. Статья о книге О. Ионовой «Из истории якутского народа» в газете «Социалистическая Якутия» от 15 ноября 1947 года; О. Ионов. Из истории якутского народа, стр. 15—18. Якутск. 1945.

³ См. С. Токарев. Очерк истории якутского народа, гл. 3-я. М. 1940; его же. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Ч. II. Якутск. 1945.

первая давно сошла со сцены. В настоящее время идёт оживлённая дискуссия среди сторонников двух других теорий⁴, и пока что проблема общественного строя якутов, сложившегося к началу XVII в., остаётся нерешённой.

Исходя из марксистского понимания задач исторической науки, в данном случае можно поставить следующие вопросы: какие отношения преобладали в якутском обществе к 30-м годам XVII в. — классовые или бесклассовые; если господствующими были классовые отношения, то какие — рабовладельческие или феодальные; если же господствующими были бесклассовые, первобытно-общинные отношения, а классовые существовали лишь в зародыше, то по какому пути развивались последние? Превращались ли они в рабовладельческие или феодальные? Когда и где шёл процесс становления общественного строя якутов, отражённый в письменных документах XVII века? Наконец, был ли этот процесс до присоединения Якутии к России как-нибудь связан с историей народов и племён Центральной Азии и Южной Сибири, а тем самым и со всемирной историей?

Все эти вопросы следует рассматривать в общем аспекте формирования якутов в народ; происхождения их скотоводческого хозяйства в районе средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье; происхождения, экономического и правового положения

⁴ См. Б. Гарданов. Рецензия на монографию С. Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.». «Советская этнография» № 2 за 1946 г.; Ответ С. Токарева на эту рецензию (там же, № 1 за 1947 г.); А. Окладников. Социальный строй предков якутов (там же, № 2 за 1947 г.).

класса тойонов (представители патриархально-феодалной знати) и различных слоёв эксплоатируемых; отношений между тойонами и непосредственными производителями в процессе производства.

Рассмотрим вопрос об общественном строе якутов в связи с проблемой их этногенеза.

Дореволюционные исследователи полагают, что якуты сложились в народ в глубокой древности где-то в Центральной Азии. В связи с монголо-татарским нашествием, спасаясь от завоевателей, якутский народ, ведший скотоводческое хозяйство, перекочевал на Лену, где его и застали русские в XVII веке.

Однако советский исследователь С. А. Токарев показал, что якуты сложились в народ в бассейне средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье в результате слияния южных пришельцев и северных аборигенов, что происхождение якутов имело, следовательно, и вторую, местную сторону. Концепция об автохтонных элементах в сложном этническом составе якутского народа и его культуры в дальнейшем была подкреплена результатами археологических исследований А. П. Окладникова¹.

Сторонники концепции о наличии автохтонных элементов в этническом составе якутского народа и в его культуре несколько не отрицают значения южных пришельцев и их культуры. Напротив, и С. А. Токарев и А. П. Окладников значительно умножили факты и наблюдения, накопленные сторонниками теории о южном происхождении якутского народа².

Однако в постановке вопроса о том, кто оказал решающее влияние на формирование якутов в народ — элементы пришлые или автохтонные, южные или северные, — до сих пор нет ещё достаточной ясности. Тем не менее эти вопросы интересуют исследователей и обсуждаются ими, составляя суть разногласий по вопросу якутского этногенеза.

С. А. Токарев склонен преувеличивать значение автохтонных или северных элементов в сложном этническом составе якутского народа. Он говорит о процессе длительного и постепенного «просачивания» разноплеменных групп, сливавшихся с аборигенами края. Эти южные переселенцы приносили с собой свои наречия, вливавшиеся постепенно в одну общую речь, в некую формирующуюся «койне» — якутский язык³. Автохтонные элементы признаются едва ли

не основными, а пришлые — второстепенными, такими, которые «просачивались» в первые.

А. П. Окладников, характеризуя южные и северные элементы в этническом составе и в культуре якутского народа, пишет: «В результате оформилось нечто совершенно новое, возникли новая культура и новый народ, представлявшие, однако, не некую механическую смесь чужеродных элементов, а гармоническое целое, своего рода сложное химическое соединение, в основе которого лежал мощный передовой пласт южного происхождения»⁴. В данном случае южные элементы рассматриваются как основные, а северные — как второстепенные.

Какое же из этих противоположных утверждений правильно? Нам представляется правильным второе утверждение, в пользу которого говорят как физический тип якутов⁵, так и тюркский, а не сложный, тунгусо-тюркский, строй их языка. Если обратиться к лексическому составу якутского языка, то и он не подтверждает тезиса С. А. Токарева. Лексика якутского языка, по мнению лингвистов, на 60% состоит из слов южного происхождения; остальные 40%, которые, казалось, можно было бы отнести к элементам северного происхождения, т. е. к тунгусскому, самоедскому, синейско-остяцкому и юагирскому языкам, знатоки якутского языка относят либо к монгольским либо к тюркским элементам, отмечая, что слова тунгусского происхождения в якутском языке встречаются редко⁶.

Следует иметь в виду также и то, что тунгусы и другие аборигены древней Якутии не влились в состав якутского народа: они до сих пор сохраняют свою этническую самостоятельность. Таким образом, южные пришельцы составляли основное ядро в сложном этническом составе якутского народа.

Следующий вопрос, вызывающий разногласия среди исследователей, — о происхождении скотоводческого хозяйства якутов в бассейне Лены.

С. А. Токарев склонен преувеличивать значение культуры древних аборигенов Севера и в формировании скотоводческого хозяйства якутов. По его мнению, «одной из самых существенных сторон» процесса возникновения этого хозяйства «был переход рыболовно-охотничье-оленьеводческих аборигенных племён к разведению конного и рогатого скота»⁷. А. П. Окладников, напротив, утверждает, что «скотоводческая культура якутов, со всех сторон окружённых рыболовами, охотниками и оленеводами, является по всем её основным чертам остров-

¹ См. А. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 74. Якутск. 1943; его же. Ленские древности. Вып. 1-й, стр. 60 и др. Якутск. 1945; его же. История Якутии, под ред. С. В. Бахрушина. Т. 1, стр. 218—230. Якутск. 1949.

² См. С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 224—230; А. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 54—74; История Якутии. Т. I, стр. 230—269.

³ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 229.

⁴ А. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 74.

⁵ Южносибирский тип, пишет антрополог М. Левин, служил основой для формирования физического типа якутов. «Краткие сообщения» Института этнографии. Т. III, стр. 53—58. 1947.

⁶ См. Л. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 16, 22. Якутск. 1947.

⁷ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 229.

ком южной степной культуры Центральной Азии»¹.

И действительно, среди известных исследователям письменных источников XVII в. крайне мало документов, которые свидетельствовали бы о раннем переходе тунгусов и других рыболовно-охотничье-оленоводческих аборигенов Якутии к разведению рогатого скота и лошадей². В результате изучения многочисленных архивных документов мы пришли к убеждению, что заметный переход тунгусов к разведению рогатого скота и лошадей начался лишь во второй половине XVIII века³. Что касается юкагиров, ламутов и других древних аборигенов Якутии, то они и до сих пор не являются скотоводами.

Нельзя представить себе, что аборигены Якутии уже в XIII—XIV вв. (переселение скотоводческого ядра якутской народности с юга на север обычно относят к этому периоду) и в последующие одно—два столетия поняли преимущества скотоводческого хозяйства перед рыболовно-охотничье-оленоводческим, которым они занимались в течение многих веков. Вряд ли они начали переходить к этому новому виду хозяйства, когда сами якуты, издавна являвшиеся мастерами скотоводческой культуры, должны быть, с трудом спасали от гибели свой немногочисленный скот в новых для него, северных условиях.

Наконец, третьим спорным вопросом, связанным с проблемой формирования якутской народности, является вопрос о генезисе общественного строя якутов, отражённого в письменных документах XVII века. Если самое становление якутской народности, пишет С. А. Токарев, происходило в бассейне Лены, то «ни в какой мере» нельзя «связывать исторически социальный строй якутов» с общественным строем «кочевнических центрально-азиатских народов или государств»⁴.

А. П. Окладников, напротив, утверждает, что общественный строй якутов, с его многогранной малой семьёй, классами эксплуататоров и эксплуатируемых, «в готовом и вполне оформленном виде» был перенесён из Центральной Азии, через Южную Сибирь, на Лену. Этот тезис автор называет «общим выводом», подтверждаемым сравнительным анализом сюжетов произведений

эпоса, социальной терминологии, а также этнографических фактов⁵.

Оба эти противоположных утверждения представляются нам односторонними, причём утверждение С. А. Токарева правильно в самом главном, а утверждение А. П. Окладникова правильно во второстепенном.

Многочисленные и разнообразные историко-этнографические материалы позволяют признать, что, во-первых, основным ядром в формировании якутского народа были пришельцы с юга; во-вторых, скотоводческое хозяйство якутов возникло в результате распространения и развития древней скотоводческой культуры Центральной Азии и Южной Сибири, сначала в бассейне средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье, а затем и в бассейне всей Лены. Наконец, духовная культура якутов, их эпос, язык, в том числе их социальная терминология, были связаны с духовной культурой древних народностей и племён Центральной Азии и Южной Сибири. Поэтому неправильно полностью отрицать связь исторического процесса на территории собственно Якутии с развитием общественного строя в Центральной Азии и Южной Сибири.

Заслуга А. П. Окладникова состоит в признании и дальнейшем обосновании этой генетической связи. Но, по его мнению, эта связь играла решающую роль в генезисе общественного строя якутов XVII века. В этом, как увидим, состоит основная ошибка А. П. Окладникова.

В XI—XII вв. происходило разложение родового строя монгольского общества. Частная собственность на скот, повозки и т. п. привела к разделению членов рода на богатых и бедных. В процессе родовых войн появились роды побеждённые и роды-победители; первые являлись вассалами вторых. Процесс разложения рода («овох») одновременно был процессом возникновения монгольской степной аристократии⁶. Во главе богатых аристократических родов стояли особые предводители, или «вожди»⁷.

В XIII в., в период возникновения и развития империи Чингис-хана, общественный строй монголов стал феодальным. Своего расцвета монгольский кочевой феодализм достиг в XIV—XVII веках⁸.

Южные предки якутов, как полагают исследователи, сталкивались с народами и племенами Центральной Азии; находясь на более низком уровне общественного развития, они были вытеснены монголами на север. Поскольку ни в одном из произведений эпоса — олонхо — или якутского фольклора не встречается упоминаний о «тысячах», «сотнях» и т. п., на которые с XIII в. начали делиться монгольские войска⁹, поскольку в произведениях фольклора очень мало сведений, которые можно было бы считать отражением внутренней жизни монголов пе-

¹ А. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 57; История Якутии. Т. I, стр. 238—247.

² Н. Степанов пишет, что аборигены древней Якутии, в частности, тунгусы XVII в., занимались исключительно охотой, рыболовством и оленеводством. «Социальный строй тунгусов в XVII в.». «Советский Север» № 3 за 1939 г., стр. 48.

³ Центральный государственный архив Якутской АССР (ЦГА), ф. 7, оп. I, д. 84, л. 19; д. 366, л. 124; д. 84, л. 9; д. 466, л. 20; ф. 19, оп. I, д. 57, л. 21; ф. 22, оп. I, д. 606, л. 8.

⁴ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 230, 231.

⁵ См. «Советская этнография» № 2 за 1947 г., стр. 97.

⁶ См. Б. Фла д и м и р ц е в. Общественный строй монголов, стр. 45—58. Л. 1934.

⁷ См. там же, стр. 74.

⁸ См. там же, стр. 75—119, 120—171.

⁹ См. там же, стр. 102, 103, 135.

риода правления Чингис-хана и его преемников,— то следует думать, что близкое соприкосновение якутов с монголами, если оно имело место, относилось к периоду до XII в. и что якуты не находились под властью Чингис-хана и его преемников. Если данное предположение верно, то предки якутов в период их переселения с юга на север (XII—XIV вв.) переживали патриархально-родовой быт, разложение которого ещё не успело принять широких размеров. В недрах этого быта, как у монголов и других центрально-азиатских народов и племён периода до XII в., могла зародиться якутская патриархально-родовая аристократия.

Соприкасаясь с другими народами, находясь в условиях военно-политических событий периода до XIII в., аристократическая верхушка отдельных патриархально-родовых объединений якутов могла наделить своих представителей такими титулами, как «тойон», «дархан» и др., а низшие слои этих объединений могли быть названы «кулут», «чагар» и т. д.

Такие социальные термины могли возникнуть не столько как отражение внутренней структуры собственно якутского общества, сколько как результат заимствования якутской патриархально-родовой знатью элементов социальной терминологии, выработанной феодальной знатью соседних народов (монголов, тюрков и др.). Помимо этого при осмыслении социальных терминов, встречающихся в якутском олонхо, нельзя не учесть свойственных героическому эпосу гипербол. Например, внешность богатыря — айы — в олонхо описывается так:

Стан его в перехвате в пять саженей,

Шести саженей дороден в плечах был.

В три сажени были округлые плечи,

Мышцы были с крупный обрубок толстой ластовенницы...

При поединках таких богатырей «земля колеблется, поднимаются вихри, горы трескаются, морские воды выступают из берегов, птицы и звери перестают размножаться, нарушается нормальная жизнь людей»¹.

При таком фантастическом изображении природных и общественных явлений превращение в эпосе патриархально-родового объединения в «великое царство», а его главы — в хана, царя не представляет ничего удивительного.

Однако А. П. Окладников на основе интерпретации слов «хан», «эль» (в этом слове усматривается корень имени одного из легендарных предков якутов — Элэя), «тегин» (от этого слова, по мнению Окладникова и других исследователей, происходит имя Тыгын, или Дыгын) полагает, что у якутов на юге и севере в эпоху до XVII в. были политические объединения, выходившие «за узкие пределы одного рода или даже племени»², и даже допускает, что эти объедине-

ния иногда охватывали всю якутскую народность и что якуты когда-то на Лене находились под властью одного владыки³, что у них были ханы, цари, принцы.

Присматриваясь к шишкинским скалам на Лене, А. П. Окладников заметил, что на них изображены «пешие люди в длинных кафтанах или шубах и высоких шапках». «В руках этих людей бывают какие-то широкие полосы, поставленные вертикально и расширяющиеся кверху наподобие булавы. Очевидно,— пишет А. П. Окладников,— это и на самом деле были жезлы, или булавы, служившие регалиями, знаками определённой власти и достоинства»⁴.

Однако предметы, о которых здесь идёт речь, едва ли были царскими регалиями. Трудно представить также, чтобы у древних якутов имелась целая группа царей. «Пешие люди», изображённые на скалах, были рядовыми членами общины; они, должно быть, шли по каменистым берегам Лены, возможно, гоня перед собою скот, и держали в руках махалки из конских волос (дэбнир) или же из веток, защищаясь от невыносимых для непривычных людей северных комаров⁵.

Одним из древних якутских царей А. П. Окладников считает Тыгына⁶. По его мнению, в Якутии существовала своего рода царская «династия» Тыгынов⁷. В подтверждение этой мысли А. П. Окладников привлекает, кроме фольклорных сведений, ещё и данные из рукописи Линденау⁸.

Ссылаясь на соображение Линденау о существовании среди якутов XVIII в. «господского рода» (Тојон уса), он пишет, что представители этого рода, в том числе тойон Тыгын, занимали «господствующее, первенствующее положение... над всеми остальными якутами»⁹.

В действительности же факты, которые приводятся в рукописи Линденау, свидетельствуют о том, что Тыгын не был всеякутским царём, что в Якутии не было тогда никакой царской «династии»¹⁰. Тыгын был типичным представителем патриархально-феодальной знати, не игравшим положительной роли в истории якутов.

Б. Я. Владимирцев пишет, что термин «тегин» был переводом на тюркский язык монгольского слова «нойон», близкого к якутскому «тойон», что в одном и том же монгольском племени XI—XII вв. часто бывало по два и более ханов, что монгольский хан того периода «не может быть назван ни государем, ни царём. В ту пору монголы не знали ещё института царской.

³ Там же, стр. 119.

⁴ «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. XIX. стр. 7. М.—Л. 1948.

⁵ Изображение махалки от комаров см. В. Серошевский. Якуты, стр. 374.

⁶ См. А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов. Указ. изд., стр. 119.

⁷ Там же, стр. 119.

⁸ Линденау. Описание якутов. 1745.

⁹ А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов. Указ. изд., стр. 118—119.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 511/II, т. 3, л. 5, 6.

¹ Г. Эргис. Нюргун Боотур Стремительный, стр. 21—22. Якутск. 1947.

² А. Окладников. Социальный строй предков якутов. «Советская этнография» № 2 за 1947 г., стр. 116—119.

ханской власти»¹. Судя по всем данным, у якутов не только в XI—XII, но и до начала XVII в. не было государственности. Термины «тегин» и «хан» у якутов, конечно, не имели более широкого значения, чем у монголов XI—XII веков.

Идеализация А. П. Окладниковым этого феодала — изображение его «выдающейся» и «замечательной» личностью, организаторским и военным «талантом», «изумительно дальновидным» (?) вождём, деятельность которого была «крупным шагом вперёд и прогрессивным явлением», наделение его какими-то «лучами славы» и т. п. — не имеет ничего общего с исторической действительностью и советской наукой.

Tojon usa, о котором писал Линденау, был одним из родов Кангаласского ууса (будущая Кангаласская волость), генеалогически связанного с легендарным Элэем. Кангаласский уус в этом отношении не был каким-то исключением, ибо каждый из многочисленных якутских уусов, будущих волостей — наслегов, имел свой наиболее богатый род, из которого выходили «родоначальники» — «князцы». Эти роды и назывались тойонскими родами. Тыгын, в лучшем случае, господствовал, пользуясь выражением Линденау, «над всеми якутами» одного лишь Кангаласского ууса, и то кангалассцы не всегда признавали его власть.

Даже если бы Линденау в самом деле писал, что в первой половине XVIII в. существовал «Тоjon уса» — тойонский род, представители которого были царями и господствовали над всеми якутами, то подобную версию нельзя было бы принять всерьёз. Из точных данных писанной истории Якутии XVII в. — половины XVIII в. известно, что якутские волости существовали самостоятельно друг от друга, ни одна из них не господствовала над остальными, и все они в одинаковой мере подчинялись местной царской администрации.

Наконец, А. П. Окладников рассматривает три термина: «эльбюгэ», «дьаһал» и «сююгт».

Интерпретируя термин «эльбюгэ» как подать, ясак, общегосударственные повинности, тягло, А. П. Окладников ссылается на Виташевского². Но Н. А. Виташевский под термином «эльбюгэ» понимал вовсе не подать, не ясак, а обозначение земельного надела³. Действительно, термин «эльбюгэ» происходит от якутского слова «өлүө» — часть, доля (чья-либо) и является переводом русского слова «надел». Термин «надел» начал употребляться, вероятно, с конца XVIII в., в период «соболино-лисий системы» землепользования, когда земля делилась на наделы для распределения между держателями.

Слова «дьаһал» (распоряжение, приведение в порядок, распорядительность) и «сююгт»

(что, по мнению А. П. Окладникова, означало «склонить колена») могли бытовать и в обществе без царей и ханов. Термин «дьаһал» мог употребляться в любом обществе, пережившем стадное состояние. Что касается слова «сююгт» в указанном его значении, то вообще трудно связывать его с каким-либо определённым общественным строем.

Понятно, что, поскольку якутский язык имеет большое сходство с монгольским и другими древнеазиатскими языками, якутские слова «эльбюгэ», «дьаһал» и «сююгт» могли иметь параллели в языках народов Центральной Азии.

Итак, представление о том, что у якутов на юге и на севере вплоть до времён «царя» Тыгына была государственность, существовал общественный строй «каннами, царями, у которых были трон, жезлы, регалии, является результатом, с одной стороны, некритического использования сведений фольклора, с другой — увлечения поисками параллелей к социальным терминам, а иногда и простым словам якутского языка в терминах и словах языков народов Центральной Азии.

Следовательно, предки якутов в период их переселения на север могли переживать патриархально-родовой быт, разложение которого не успело ещё принять широкие размеры. Необходимо выяснить, ускорился ли процесс разложения этого быта в связи с передвижением якутов на север и в первый период их обитания на территории собственно Якутии, т. е. ускорилось ли развитие производительных сил якутов, в частности их скотоводческого хозяйства.

Среди исследователей нет разногласий в том, что передвижение якутов на север, на территорию собственно Якутии, вызвало временный регресс в их скотоводческом хозяйстве, во всей их культуре. Это вполне понятно, ибо передвижение не было ни одновременным, ни тем более организованным, а представляло собой длительный процесс прорасчавания групп семей, хозяйств, сопровождавшийся потерями части скота, имущества, гибелью людей. На Лене южных скотоводов ждали дикие травянистые поля, дремучая тайга, суровая зима и северная ночь; не было местных скотоводов, опыт которых можно было бы использовать. Ясно, что в этих условиях якуты могли потерять, как об этом пишут исследователи, и свою древнюю письменность и земледельческую культуру, а их скотоводческое хозяйство пережило кризисы и катастрофы⁴.

Временный регресс скотоводческого хозяйства, производительных сил, должно быть, вызвал приостановку разложения патриархально-родового строя якутов, законсервировал на время этот быт, чему спо-

¹ Б. Владимирцев. Указ. соч., стр. 74, 80—81.

² См. А. Окладников. Социальный строй предков якутов. Указ. изд., стр. 102, прим. 115.

³ См. «Материалы по обычному праву и по общественному труду якутов», стр. 81. Л. 1929.

⁴ См. А. Окладников. Социальный строй предков якутов. Указ. изд., стр. 111.

⁵ См. А. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 72. Пример того, какие кризисы и катастрофы переживало скотоводческое хозяйство якутов вплоть до XVII в. в отдельных частях Якутии, см. в «Сборнике материалов по этнографии якутов», стр. 13—14. Якутск. 1948.

собствовал также первобытно-общинный строй древних аборигенов Лены, окружающих якутов, изобилие диких пастбищ и сенокосов.

Якутское скотоводческое хозяйство, которое всё же возникло и развилось на территории собственно Якутии в результате преодоления огромных трудностей, коренным образом отличалось от скотоводческого хозяйства центрально-азиатских предков якутов. На юге в хозяйстве якутов решающую роль могло играть коневодство, тогда как на севере такую же роль вскоре стал играть рогатый скот. На юге скотоводческое хозяйство якутов могло быть только пастбищным, скот содержался круглый год на подножном корму; на севере рогатый скот около 220 дней в году находился в тёплом помещении. Продолжительное зимнее, стойловое содержание рогатого скота определило характер хозяйственной деятельности якутских скотоводов сначала в бассейне средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье, а затем в скотоводческих районах всей Якутии. Именно этим определялись главные формы эксплуатации непосредственных производителей в тойонском скотоводческом хозяйстве. Поэтому понятно, что разложение первобытно-общинных порядков, возникновение и развитие классового строя якутов произошли на территории собственно Якутии в результате последующего развития их скотоводческого хозяйства. Следовательно, общественный строй якутов, отражённый в письменных документах XVII в., вырос на почве собственно Якутии.

Заслуга С. А. Токарева перед якутской историографией заключается в постановке проблемы изучения общественного строя якутов на территории собственно Якутии и в анализе громадного количества архивных документов XVII—XVIII веков. В этом смысле мы и говорим, что С. А. Токарев прав в самом главном.

Итак, скотоводческое хозяйство якутов, возникшее на севере, коренным образом отличалось от скотоводческого хозяйства их южных предков; связь общественного строя якутов на севере с общественным строем их южных предков относилась к периоду патриархально-родового быта; роль этой связи в разложении первобытно-общинных порядков и в возникновении классового общества на территории собственно Якутии была второстепенной. Основы классового общественного строя якутов, который отражён в письменных документах XVII в., сложились на почве самой Якутии, а не перекочевали с юга «в готовом и вполне оформленном виде».

Проблему происхождения тойоната впервые поставил Л. Г. Левенталь. Последний рассматривал класс тойонов как продукт войн, происходивших в древние времена между отдельными родами, племенами якутов, а также между якутами, с одной стороны, и другими народами, племенами — с другой. Коренной причиной, которая вызвала эти войны, Л. Г. Левенталь считал «прирождённые» качества людей, которые

он назвал их «военными инстинктами»¹. Концепция Л. Г. Левенталь признавалась большинством дореволюционных исследователей истории якутского народа. Сущность и идейные корни этой антинаучной концепции раскрыл С. А. Токарев².

После выхода в свет работы Л. Г. Левенталь, в начале XX в., имела место любопытная дискуссия по вопросу о происхождении тойоната, во время которой были высказаны два различных взгляда представителей эксплуататоров на происхождение и развитие тойоната: согласно одному, тойонат возник и существовал вплоть до начала XX в. без всякой помощи со стороны царизма, вопреки его политике³; согласно другому, класс тойонов был создан колониальной политикой царизма⁴. Эти «теории» противоположны лишь по форме, и проповедовались они с целью затушевать гнёт царизма, с одной стороны, и гнёт тойонов — с другой.

Марксистская постановка проблемы возникновения у якутов классового общества и происхождения тойоната дана в работе С. А. Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.». В основе процесса, указывает С. А. Токарев, лежала частная собственность на скот, которая, зародившись в результате развития производительных сил скотоводческого хозяйства якутов, вызвала разложение их первобытно-общинного строя и возникновение у них классового общества⁵.

Однако тезис С. А. Токарева, что историческими предшественниками тойонов были исключительно военные предводители, что «все патриархальные элементы в тойонате» носили лишь «интимный», внутрисемейный характер, что «в своих отношениях к условному населению тойоны выступали лишь как военная власть»⁶, что они не имели родового авторитета среди якутов, представляется нам спорным, а аргументация этого тезиса — слабой.

В самом деле, то, что якуты в период 1630—1670 гг. обращались «за разбором своих споров и конфликтов» не к тойонам, а к суду местной царской администрации, свидетельствует о глубоких классовых противоречиях между тойонами и трудящимися массами, о том, что старая судебная власть тойонов в годы военных событий периода присоединения Якутии к России ещё не была санкционирована воеводами, о том, что при этих условиях местные жители неизбежно должны были жаловаться друг на друга новой силе — царской администрации. Но это не значит, что тойоны до прихода русских на Лену якобы не имели никакой судебно-карательной власти над своими

¹ См. «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов», стр. 241—242.

² См. С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 216—219.

³ См. «Якутские епархиальные ведомости» №№ 8, 14, 17, 22 за 1907 г.; №№ 1, 2, 6, 8, 20, 21 за 1908 г.; № 6 за 1909 год.

⁴ См. «Якутская мысль» № 5 за 1909 год.

⁵ См. С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 219—220, 223.

⁶ Там же, стр. 220—221.

«сородичами». Возникновение такой власти тойонов начиная с 1670-х годов было не новшеством, а возрождением в новой, более развитой форме бывшей власти богачей, сложившейся до 30-х годов XVII в. и существовавшей в форме третейского суда, суда патриархально-родовых старейшин¹.

Историческими предшественниками тойонов XVII в. были представители патриархально-родовой аристократии, сочетавшие власть родовых старейшин и военных предводителей. В письменных источниках XVII в. нет свидетельства о существовании особых военных предводителей наряду с родовыми старейшинами — представителями патриархально-родовой аристократии.

Так, например, многолетний тойон Тыгын, живший в конце XVI — начале XVII в., находился в составе старейшин своего поколения и в то же время был военным предводителем кангалассцев². В событиях «кыргыс юяте» (междоусобицы в Якутии периода до её присоединения к России) фигурируют старые богатые люди, во-первых, как главы не только отдельных патриархальных семей, но и целых уусов, во-вторых, как военные предводители. Отдельные молодые «богатыри» действуют обычно по советам и указаниям своих старших и богатых «сородичей». В генеалогических таблицах об отдельных тойонских домах эпохи до 1630-х годов, как правило, значатся крупные скотовладельцы, которые одновременно являются главами патриархальных семей и уусов и военными предводителями³.

Тойоны начала XVII в. руководили ведением местного скотоводческого хозяйства и военными набегами на другие племена и роды. Войны в условиях древней Якутии были не постоянным, а, так сказать, сезонным занятием тойонов, тогда как руководство скотоводческим хозяйством являлось занятием постоянным. Известные пережитки патриархально-родовых отношений сохранились у тойонов в их взаимоотношениях с частью непосредственных производителей, эксплуатировавшихся в тойонском скотоводческом хозяйстве. Указанные пережитки завуалировали отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, и считать эти отношения «синтимиными», «внутрисемейными» никак нельзя.

Власть тойонов XVII в. также имела историческую связь с властью патриархаль-

но-родовой аристократии. Об этом свидетельствует предание о сэсэнгах (мудрецы), опубликованное В. Л. Серошевским и рассмотренное С. А. Токаревым⁴. Князцами волостей в XVII в. были в основном потомки тех тойонов, которые являлись, по фольклорным данным, главами патриархально-родовых объединений⁵.

С. А. Токарев установил, что потомки родовитых тойонов, которых застали казацкие атаманы Иван Галкин, Пётр Бекетов и другие в начале 1630-х годов, «благополучно оставались «князцами» и «лучшими якутами» в продолжение всего XVII в. и позже»⁶. Родоплеменной совет, созданный Болтугой Тимиреевым в XVII в. для решения вопроса «аманатов дать или нет», также показывает преемственную связь власти тойонов той поры с патриархально-родовым порядком⁷.

В документах XVII в. часто встречаются выражения: «князец такой-то с родом своим», «родники» такого-то князца. Князцы говорили: «родники наши», «родники свои»⁸. Выражение «род» обозначало, как правильно указывает С. А. Токарев, прежде всего зависимых от данного князца ближайших его сородичей «вскормленников», «кумаланов», «холопов» и «живущих подле» него клиентов. Под родом, как видно, понимался довольно широкий круг жителей волости⁹. Слово «родники» имело и более широкое значение: оно обозначало «в ясачных документах жителей данной волости, их отношения друг к другу и к князцу»¹⁰.

Однако С. А. Токарев полагает, что выражение «родники» не подтверждает преемственной связи тойоната XVII в. с патриархально-родовой аристократией прошлого¹¹. Но если такое толкование термина «родники» верно, то и выражение «род» должно потерять прежнее значение, ибо понятно, что князцы XVII в. не выражали интересов своих «вскормленников», «кумаланов», «холопов» и «живущих подле» них клиентов.

Можно указать, что тойоны в XVIII — XIX вв. и даже в начале XX в. называли себя «родона начальниками», а всех жителей

⁴ См. В. Серошевский. Указ. соч., стр. 465; С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 222.

⁵ О предках князцов отдельных волостей XVII в. см. С. Боло. Указ. соч. Присмотритесь также к упомянутым генеалогическим таблицам; ср. С. Бахрушин. *Исторические судьбы Якутии*, стр. 290; О. Ионов а. Указ. соч., стр. 10—11.

⁶ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 293; ср. стр. 141.

⁷ См. С. Бахрушин. Указ. соч., стр. 291; О. Ионов а. Указ. соч., стр. 11.

⁸ С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 157; сборник документов «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (КМПГЯ) под ред. Б. Д. Грекова и Я. П. Алькора, стр. 70, 120, 125, 212 и др. Л. 1936.

⁹ С. Токарев. Указ. соч., стр. 157.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 458.

¹ С. В. Бахрушин говорит, что у якутов существовал «обычай третейского суда». «Доклады на первой научной сессии якутской базы АН СССР», стр. 33. Указ. соч. 1948. По сведениям Овчинникова, Тыгын судил своих соплеменников. «Этнографическое обозрение» № 3 за 1893 год.

² Об этом тойоне упоминается во многих работах, из которых отметим: С. Ионов а. Из истории якутского народа, стр. 20, 68 и др.; А. Окладников. Из истории общественных отношений у якутов XVII в. «Советская этнография» № 2 за 1949 г., стр. 112.

³ См. С. Боло. Прошлое якутов. Приложение 1—9. С. Токарев. *Общественный строй якутов*. Приложение: таблицы 5а—5д.

наслегов (низовая территориальная административная единица в Якутии периода с конца XVIII в.) — «родовичами». Едва ли можно считать приведённые выражения продуктом исключительно последних столетий. Следует думать, что они имеют преемственную связь с выражениями «род» и «родники» XVII в., а через них уходят в отдалённое патриархально-родовое прошлое.

Итак, развитие производительных сил скотоводческого хозяйства в период до XV в. создало условия для возникновения прибавочного продукта, который, используя своё традиционное привилегированное положение, присваивали представители патриархально-родовой аристократии. Они постепенно становились крупными скотовладельцами и землевладельцами; их усилению способствовали события «кыргыс юята».

До XVII в. в Якутии не было разделения представителей аристократической верхушки на старейшин и на военных «вождей». Историческими предшественниками тойонов XVII в. были представители патриархально-родовой аристократии, являвшиеся одновременно старейшинами и военными предводителями.

Колониальная политика царизма в XVII—XIX вв., как показали исследователи, играла огромную роль в экономическом и политическом усилении тойонов по отношению к ясачным «иноземцам», «ичоверцам» и «инородцам» в наслеге Якутии.

Решающее значение для определения характера общественного строя якутов, отражённого в письменных документах XVII в., имеет выяснение «непосредственного отношения» тойонов как «собственников условий производства к непосредственным производителям»¹.

Для этого необходимо определить, какие категории непосредственных производителей эксплуатировались тойонами.

В работах С. А. Токарева, С. В. Бахрушина и О. В. Ионовой освещены все категории непосредственных производителей, эксплуатировавшихся тойонами: люди, находившиеся «в работах»², люди, работавшие «по свойству»³; бедняки, жившие «около», «подле» богатей; бедные дюккаки⁴; люди, содержавшие тойонский скот на своих усадьбах в своих помешениях (хасаас, уход и прокорм скота); «вскормленники»; «холопы»⁵; «кулуты»⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX. Ч. II, стр. 353.

² С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 92.

³ Там же, стр. 99.

⁴ См. там же, стр. 111—115; С. Бахрушин. Указ. соч., стр. 290; О. Ионова. Указ. соч., стр. 17.

⁵ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 177—186; С. Бахрушин. Доклады на первой научной сессии якутской базы АН СССР; его же. Исторические судьбы Якутии, стр. 290; О. Ионова. Указ. соч., стр. 16, 17.

⁶ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 93.

В толковании третьей, четвёртой и пятой категорий среди исследователей как будто нет принципиальных разногласий. Эти категории производителей были мелкими собственниками, находившимися в феодально-крепостнической зависимости. Первая и вторая категории, повидимому, тоже состояли из мелких собственников, находившихся в экономической кабале у тойонов. Они отработывали свои долги или работали за натуральную плату. Социальная природа последних трёх категорий — «вскормленников», «холопов» и «кулутов» — полностью пока не выяснена.

С. А. Токарев «вскормленников» XVII в. называет рабами⁷. Однако эта категория несвободного населения имела более сложную социальную природу: одни из «вскормленников» находились у бездетных зажиточных людей и становились их наследниками (их «воспитывали» для своей старости)⁸; другие по совершенности и жёсткости отделялись от тех, у кого они находились⁹. Первые мало чем отличались от родных детей, вторые, надо полагать, попадали в экономическую и личную зависимость от «воспитывавших» их зажиточных людей. Таким образом, отношения между «вскормленниками» этих двух видов, с одной стороны, и теми, у кого они находились, носили патриархально-феодальный характер¹⁰. С. А. Токарев отметил ещё существование «вскормленных холопов»¹¹. Думается, что только последние и находились в положении рабов.

С. А. Токарев первый подробно рассмотрел термины «холоп», «бокан» и «кулут»¹². Обобщая анализ перечисленных терминов, он пишет, что русским словом «холоп» переводился какой-то определённый якутский термин. Повидимому, этим термином было слово «кулут», и сейчас сохранившееся в значении раба, слуги¹³. Считая, что термины «кулут» и «бокан» якутского происхождения, С. А. Токарев делает вывод, что словами «холоп», «бокан» и «кулут» обозначалось одно и то же понятие — «раб»¹⁴.

На самом же деле эти слова обозначали различные категории несвободного населения. Термином «кулут» в произведениях эпоса — олонхо, — а также в разговорной речи обозначали совершенно определённый слой немущих — рабов. Слово же «бокано» как устойчивый и определённый социальный термин в произведениях олонхо, отражающих древнейшее социальное бытие якутов, не встречается. Следовательно, термин «кулут» древнее и обозначает патриархальное рабство, а термин «бокано» (бокон, бокан и т. п. документов XVII в.)

⁷ Там же, стр. 105, 110.

⁸ Там же, стр. 105.

⁹ Там же, стр. 106.

¹⁰ О. В. Ионова правильно относит часть «вскормленников» к категории феодально-зависимых людей. Указ. соч., стр. 18.

¹¹ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 105.

¹² Там же, стр. 90—94.

¹³ Там же, стр. 93.

¹⁴ Там же, стр. 94.

означал слой непосредственных производителей, который возник в процессе дальнейшего развития якутского общества.

Что касается семантики этих терминов, то «кулут» было названием человека, бесспорно, всегда лишённого имущества, прав и обязательно работавшего на другого¹; термин «боконо» означал человека, который имеет имущество, но беден, обладает какими-то ограниченными правами и не обязательно работает на другого². Ни один исследователь, знающий дореволюционный якутский язык, не скажет, что «боконо», как и «кулут», был лишён всякого имущества, прав и обязательно работал на другого.

Итак, термины XVII в. «кулут» и «бокано» не совпадали по значению: они отражали две разные категории несвободного населения. Слово «кулут» значило «раб», тогда как термин «бокано» был переводом слова «холоп». Это видно из следующего. Термин «бокано» (бакан, бокоң) письменных документов — почти точное начертание писарями XVII в. чисто якутского слова «боконо»³. Далее, термины «холоп» и «бокано» употреблялись параллельно в тех документах, в составлении которых совместно участвовали и русские и якуты⁴. В документах XVII в., которые составлялись без непосредственного участия якутов, употреблялся только термин «холоп»⁵; напротив, в документах 1657, 1664 и других годов, исходивших от самих якутов, встречается только термин «боконо», «бокано»⁶.

Таким образом, термин «холоп» есть перевод не слова «кулут», а термина «боконо».

Что были якутские «холопы» письменных документов XVII века? «Холопы», у которых не было скота, земли и юрт («скота ни одной нет»), ничем не отличались от рабов. Это были прежде всего «выкормленные холопы», а затем «сородичи», превращённые в рабов⁷. Этот тип рабов был, повидимому, значительно распространён. Холо-

пы предпочитали рабовладельцев-«сородичей» чужеплеменникам⁸; в этом сказывалась патриархальная природа части рабов. К ней, должно быть, относились и «кулуты» — исторические предшественники постоянных кумаланов XIX века. «Холопы»-рабы, приобретённые путём пленения, купли и т. п., едва ли составляли основную массу рабов.

Наряду с «холопами»-рабами и сходными с ними «кулутами» существовали «холопы», которые имели по 1—3 коровы и даже лошадей, имели семьи и жили в отдельных юртах⁹. Такие холопы в условиях развитой частной собственности на землю могли иметь и клочки собственности на землю по праву первого захвата или пользоваться на основе феодального права землёй тойонов. Семейные «холопы», собственники небольшого количества скота, юрт и земли, повидимому, были разновидностью феодально-крепостных крестьян¹⁰.

По мнению С. А. Токарева, недостаток имущества у «холопов» в XVII в. не позволял им быть «самостоятельными» производителями, и они оставались рабами¹¹. Но ведь в XIX в. представители огромной массы «инородцев» Якутии находились в аналогичном имущественном положении и притом были «самостоятельными» непосредственными производителями, находившимися в феодально-крепостнической зависимости от тойонов. К тому же «холопы»-собственники XVII в. находились в более выгодном экономическом положении, ибо значительным подспорьем для них служили охота и рыболовство. Наконец, имущественное положение «холопов» — мелких собственников — характеризуется тем, что им было легче платить ясак, чем находиться под тойонским гнѐтом. «Наши боканы, — писали тойоны в 1657 г., — нам стали непослушны, а говорят-де они нам, что-де мы сами тоёны, потому что сами-де мы государю ясак даём, и они-де нас не слушают, и мы-де теперь лутчие люди в якутском погубли; не знаем-де, как впрямь государю ясак добывать»¹².

На обязанность платить ясак «холопы» смотрели как на условие «освобождения» от феодально-крепостнической зависимости. Об этом свидетельствует выражение «мы сами тоёны». Самостоятельная охота на пушных зверей была возможна лишь при наличии у охотников продовольствия, транспорта, одежды и охотничьего оружия (ружьѐ, лук и т. д.). Следовательно, «холопы», которые «за себя лисницы добывали», имели своё скотоводческое хозяйство, свои орудия труда, имели возможность по свое-

¹ Э. Пекарский объясняет не собственно имущественное и правовое положение кулута, а его обязанности и службы. «Словарь якутского языка», стр. 1211.

² Следует применить объяснение Пекарским данного термина к имущественному и правовому положению человека (там же, стр. 511).

³ В челобитной князцов волостей бассейна средней Лены и Амгино-Ленского плоскогорья написано «боконов», а не «бокано».

⁴ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 90.

⁶ Сборник КПИГЯ, стр. 58. Б. Гарданов сделал правильное предположение, что слово «холоп» в применении к якутам чаще всего соответствовало по смыслу местному социальному термину «бокано», а не «кулут». «Советская этнография» № 2 за 1946 г., стр. 223.

⁷ См. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 98, 102, 111, 124; С. Бахрушин. Доклады на первой научной сессии Якутской базы АН СССР, стр. 17.

⁸ С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 110.

⁹ См. там же, стр. 125, 126.

¹⁰ С. Бахрушин про этих «холопов» пишет, что они «принимали черты крепостных». Доклады на первой научной сессии Якутской базы АН СССР, стр. 36.

¹¹ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 130—131. «Советская этнография» № 1 за 1947 г., стр. 131.

¹² Сборник КПИГЯ, стр. 58.

му имущественному положению платить ясак.

«Холопы» XVII в. не платили ясак потому, что этому мешали тойоны. Освободив «холопов» как «совсем немощных» от обязанности платить ясак, тойоны сами использовали их для добывания ясачной пушнины для собственного обогащения. То же явление мы видим и позднее — в конце XVIII и в первой трети XIX в., когда тойоны освободили от обязанности платить ясак около 60% мужчин ясачного возраста, большинство которых состояло из мелких собственников. При этом тойоны при «соболино-лисей» системе земледелия захватывали все земли наслегов.

Итак, семейные «холопы», собственники некоторого количества скота, юрт и земли, были непосредственными феодально-крепостническими производителями.

Что касается правового положения «холопов», то они не были полной собственностью феодалов; последние не имели права убивать их, «как скотину»¹, но могли продавать и покупать их, как вещи.

С. А. Токарев смог привести лишь один факт убийства тойоном своего «холопа», причём этот единственный случай стал предметом судебного разбирательства, дело о нём дошло до воеводы². Убийство тойонами своих «холопов» в ранний период, вероятно, осуждалось общественным мнением, вызывало «кровную месть», а в XVII—XVIII вв. рассматривалось как преступление, за которое виновные привлекались к судебной ответственности.

Далее. Для рабовладельческого общества характерно полное недоверие к непосредственному производителю. Результатом этого недоверия и был отрыв рабов от средств производства, принадлежавших рабовладельцам. При феодальном обществе непосредственный производитель не только не отрывается от средств производства, но, напротив, прикрепляется к ним: у земледельческих народов — к земле, у номадов — к скоту.

Доверялись ли якутским «холопам» XVII в. средства и орудия производства?

Тойоны той поры разбивали свой скот на отдельные стада, содержание которых в различных местах вдали от усадеб хозяев доверялось одному — двум «холопам» или группе «холопов». Так, например, намский тойон Нйка Мымаков в 1664 г. разбил часть своего скота на пять стад, в одном из которых было 40, в другом 61, в третьем и четвёртом по 20 голов и в пятом упомянута одна корова. Содержание каждого из этих стад «за Леной-рекой» тойон доверил одиннадцати «холопам», которые, в свою очередь, разбились на группы³. «Холопам» доверялись пастьба скота, транспорт, самостоятельная охота, следовательно, охотничьи снасти и добыча от охоты⁴.

Обобщая изучение производственной деятельности «холопов», С. А. Токарев пишет, что не только охотничий промысел «предоставлял занятым в нём рабам («холопам».— Г. Б.) гораздо большую самостоятельность, чем это имело место в других отраслях хозяйства», но что и «пастьба скота, рыбная ловля и пр. тоже давали рабам («холопам».— Г. Б.) известное поле самостоятельности»⁵.

Итак, якутские «холопы» XVII в. не отрывались от средств производства; а прикреплялись к ним. Им доверялись средства и орудия производства; они пользовались известной самостоятельностью в своей производственной деятельности, и в правовом отношении они были феодально-крепостными непосредственными производителями.

Изложенные материалы позволяют сделать следующие выводы: в топонском скотоводческом хозяйстве решающую роль играл непосредственных производителей феодально-крепостнического типа, а труд рабов, т. е. «вскормленных холопов», холопов, лишённых всяких средств производства, и «кулутов» играл второстепенную роль. Восемь перечисленных категорий непосредственных производителей феодально-крепостнического типа составляли огромное большинство всей эксплуатируемой массы, большинство трудового населения Якутии XVII века.

В якутском обществе периода присоединения Якутии к России феодально-крепостнические отношения преобладали над отношениями не успевшего развиться рабовладельческого строя и над пережитками⁶ первобытно-общинного строя. Это общество можно назвать примитивным патриархально-феодальным обществом. Политический строй этого общества за период до начала XVII в. может быть охарактеризован своеобразными чертами «воинной демократии».

Надстройка этого общества значительно отставала от развития социально-экономических отношений, которые не были ещё юридически оформлены, законодательно закреплены, что объяснялось отсутствием письменности и живучестью обычного права. Данное обстоятельство затрудняло и затрудняет раскрытие классовой сущности этого общества.

Полученные выводы следует рассмотреть в аспекте развития якутского общества в конце XVII—XVIII вв. и в связи с историей народов Центральной Азии и всемирной историей.

На всём протяжении XVII в. тойоны, по мнению С. А. Токарева, стремились увели-

⁵ Там же, стр. 119.

⁶ О них см. С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 45—53; С. Бахрушин. Доклады на первой научной сессии Якутской базы АН СССР, стр. 33; О. Ионов. Из истории якутского народа, стр. 10—11.

¹ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

² См. С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 131.

³ Там же, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 118.

чить количество своих холопов «рабов» и навсегда прикрепить их к себе. Политика царской администрации также была направлена на усиление и юридическое закрепление «рабства»¹.

Но если рабовладельческие отношения были, согласно концепции С. А. Токарева, ведущими уже к середине XVII в., то, казалось бы, к концу этого столетия и в XVIII в. они при таком их дальнейшем укреплении должны были стать господствующими. Однако в действительности в Якутии XVIII в. рабовладельческие отношения не только не стали господствующими, а даже их пережитки стали едва заметны, господствующими же оказались феодально-крепостнические отношения. Сам С. А. Токарев не смог обнаружить ни одного документа первой половины XVIII в., который указывал бы на участие рабов в производстве.

В документах второй половины XVIII в. встречается, насколько известно, лишь одно упоминание о «рабах». В подписках некоторых князцов, данных Мирону Черкашенинову, говорится, что князцы обещались «из ясачных ни под каким видом хотя бы вскормленников или из незаконнорожденных холопами не писать и не укреплять»². Этот факт не следует толковать расширительно, т. е. как запрещение рабства в широком смысле, ибо здесь речь идёт о необходимости ликвидации пережитков патриархального рабства («вскормленники» и незаконнорожденные дети).

Чем же объяснить такое кричащее противоречие между концепцией С. А. Токарева о ведущей роли рабовладельческих отношений до середины XVII в., об их дальнейшем укреплении тоюнами и царизмом на протяжении этого столетия, с одной стороны, и исчезновением рабства, сохранением лишь едва заметных его пережитков, бесспорным господством феодальных отношений в Якутии XVIII в. — с другой?

С. А. Токарев разрешает это противоречие следующим образом. «Мы можем здесь, повидимому, констатировать обратное влияние политической надстройки на экономику: под влиянием роста феодальных форм власти в тех особых исторических условиях, какие сложились для якутов после царского завоевания, началась ускоренная перестройка самого способа производства в сторону феодальных отношений... Когда царская колониальная политика, с одной стороны, ограничила через ясак и иным путём развитие рабства, а с другой стороны, усиленно и систематически начала толкать якутское общество в сторону развития феодальных отношений, — с этого времени, со второй половины XVII в., начинается переключение развития якутского социального строя с рабовладельческих на феодальные пути развития»³.

Эти два положения резко противоречат изложенному выше мнению самого автора,

согласно которому царская администрация и колониальная политика юридически оформили и усилили рабство в Якутии на всём протяжении XVII века. Но это противоречие, говорит С. А. Токарев, вполне законно, ибо в XVII в. одновременно шёл процесс, подрывавший рабство. Какие же доводы приводит автор в пользу этого утверждения?

Во-первых, тот довод, что царская администрация поддерживала рабовладельцев, которые платили за своих рабов ясак. Но если раб мог доказать свою способность самостоятельно платить ясак, то он по указу администрации получал «свободу»⁴. Этот довод сам по себе не подкрепляет тезиса С. А. Токарева, так как здесь выступают «холопы», которые являлись мелкими собственниками имущества (включая оружие), достаточного для самостоятельной уплаты ясака, т. е. непосредственными производителями феодально-крепостнического типа.

Во-вторых, С. А. Токарев отмечает, что в связи с обложением «холопов» ясаком при воеводе Лодыженском (с 1654 г.) уменьшилась выгодность «рабского» труда для тоюнов⁵. Но в действительности поголовное обложение «холопов» ясаком продолжалось недолго. Это видно хотя бы из того, что воевода Голенцев-Кутузов признавал обоснованность просьбы тоюнов о прекращении практики обложения «холопов» ясаком⁶. Если бы «холопы» вследствие обложения их ясаком уже в середине XVII в. начали терять ценность в глазах своих хозяев, то в конце этого столетия тоюны не боролись бы с таким рвением за увеличение количества своих «холопов», за полное их прикрепление.

Во второй половине XVII в. тоюны отнюдь не считали «холопов» обузой. Документы же, которые С. А. Токарев приводит в доказательство того, что тоюны «освобождали» своих рабов за выкуп, не представляются характерными, например, документ о том, что батулинец Селбуи Одураев не был волен в судьбах восьми своих «холопов». Последние с жёнами и детьми уже ушли от него. Тойон сознаёт, что он не имеет права вернуть их, и лишь просит суд заставить «холопов» заплатить за своего хозяина 57 соболей ясаку⁷. Следовательно, этот документ не говорит о невыгодности для тоюна «рабского» труда, о том, что Одураев предпочёл этому труду какой-нибудь другой труд, например, труд крепостного крестьянина. В другом документе, челобитной Куржегаса, тоже «нет прямых

⁴ См. там же, стр. 340—341.

⁵ См. там же, стр. 341. Лодыженский служил воеводой с 1654 по 1659 год. «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 106. СПб.

⁶ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 342. Голенцев-Кутузов служил воеводой с 1659 по 1668 год. «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 106.

⁷ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 342.

¹ См. С. Токарев. *Общественный строй якутов*, стр. 336, 337—339.

² Там же.

³ Там же, стр. 353.

указом на невыгодность рабства в связи с ясаком»¹.

В-третьих, С. А. Токарев полагает, что прекращение при царской власти военно-грабительских набегов тойонов означало ликвидацию одного из источников рабства. Это довольно веский довод. Но уничтожение этого источника рабства с избытком компенсировалось экономическим порабощением, насильственным «похолоплением» и колониальным рабством.

Наконец, С. А. Токарев отмечает бегство «холопов» от хозяев к казакам. Но такого рода факты, по его собственному признанию, не играли «реальной роли в ограничении рабства»².

Следовательно, во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. не было массовых отказов тойонов от труда «рабов» (читай: «холопов») как от невыгодного, не было крутого поворота, который вызвал бы коренное изменение способа производства в якутском обществе.

Стремление части «холопов» самостоятельно платить ясак и таким образом уходить от тойонов свидетельствует о том, что эти «холопы» имели имущество, орудия труда, были мелкими собственниками феодально-крепостнического типа.

Тенденция царской администрации облагать «холопов» ясаком, «освобождая» их от власти тойонов, означала, что феодально-крепостническое государство хотело участвовать в эксплуатации феодально-зависимых «холопов», крестьян. Вынужденное согласие тойонов на отпуск «холопов» на «волю» означало лишь повиновение местных эксплуататоров колонии феодально-крепостническому государству метрополии. «Холопы» были рады освобождению от тойонов и приступали к самостоятельному платежу ясака, говоря: «Теперь мы сами тойоны». Они не понимали, что, переходя под власть феодально-крепостнического государства, они, будучи самостоятельными плательщиками ясака, лично экономически остаются связанными с тойонами и попадают под двойной гнёт — тойонов и колониальных эксплуататоров.

Феодально-крепостническое государство считало нецелесообразным в колониальной Якутии официально прикреплять «холопов» в качестве крепостных крестьян к тойонам, приравнивая тем самым последних к русским помещикам. Поэтому государство последовательно стремилось облагать ясаком всех тех якутских «иноземцев», «иноверцев» и «инородцев», которые по своему имуществу в состоянии были отбывать эту повинность.

Развитие феодализма в Якутии XVII—XVIII вв. и первой трети XIX в. шло по линии изживания остатков первобытно-общинного строя и ликвидации рабства, носившего в основном патриархальный ха-

рактер; продолжения закрепощения непосредственных производителей путём экономического их закабаления тойонами; юридического их прикрепления не к отдельным феодалам, а к отдельным волостям-наслегам в целом; усиления административной, полицейской и судебной власти тойонов не как отдельных помещиков, а как «родоначальников», доверенных государства — князю, старшим и «лучших людей» — над непосредственными производителями не как крепостными крестьянами отдельных феодалов, а как ясачными подданными феодально-крепостнического государства; по линии дальнейшего развития тех устоев феодализма, которые сложились до 30-х годов XVII в., их юридического оформления и законодательного закрепления: дальнейшей концентрации всей земли в руках тойонов и зажиточных элементов; дальнейшего обострения классовых противоречий и классовой борьбы в волостях-наслегах.

Несмотря на то, что политика Русского государства в XVII в. в Якутии способствовала развитию рабства, оно исчезло в XVIII в. (до указов 1808, 1825 и 1826 гг., отменивших рабство в Сибири), и феодализм стал бесспорно господствующим, потому что «холопство» здесь в XVII в. заключало в себе лишь слабые, недоразвившиеся элементы рабства, а феодально-крепостнические отношения были ведущими и преобладали над пережитками общинно-родового строя и над элементами рабства.

Наконец, мысль С. А. Токарева об обратном влиянии «феодальных форм власти», «царской колониальной политики» на экономику, об «ускоренной перестройке самого способа производства» в Якутии «со второй половины XVII в.» под решающим влиянием этой «политической надстройки» не подтверждается архивными документами, не оправдывается фактическим ходом истории якутского общества в XVII—XVIII веках.

В истории взаимоотношений между колониями и метрополиями XVII — XVIII вв. мы не находим подтверждения столь сильного обратного влияния политической надстройки на экономику, столь сильного направляющего воздействия феодально-крепостнического государства-метрополии на способ производства в колонии.

Эта мысль С. А. Токарева противоречит марксистскому положению о том, что смена способов производства в последнем счёте определяется развитием производительных сил.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. не было поворота, который вызвал бы коренное изменение направления исторического процесса в Якутии. Со второй половины XV в. по первую треть XIX в. якутское общество шло по пути зарождения, становления и развития феодализма. Присоединение края к России значительно ускорило такой ход истории общественного развития в Якутии.

¹ С. Токарев. Общественный строй якутов, стр. 342.

² Там же.